

ем фрейма «shop» в английском языке совпадает с фреймом «магазин» в русском языке, так как в объем данного фрейма в русском языке, так же как и в английском, входят следующие понятия: «делать покупку», «обувной магазин», «туфли», «примерять», «мокасины» и т.д.

Наряду со случаями совпадения объема фрейма в английском языке с объемом аналогичного фрейма в русском языке наблюдаются случаи, когда объем фрейма в одном языке не совпадает с объемом подобного фрейма в другом языке. Например: *When I left the skating rink I felt sort of hungry, so I went in this drugstore and had a Swiss cheese sandwich and a malted, and then I went in a phone booth* (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*). *Когда я вышел с катка, мне захотелось есть, поэтому я отправился в аптеку, съел бутерброд с сыром и выпил молока, а потом зашел в телефонную будку.* При восприятии данной информации происходит сбой в коммуникации, так как объем фрейма «drugstore» не является тождественным фрейму «аптека». В американском варианте английского языка drugstore – аптекарский магазин в Америке, торгующий не только лекарствами, но и многими другими товарами: туалетными и канцелярскими принадлежностями, мороженым, кофе, журналами, косметикой и т.д. Однако в настоящее время существует тенденция к расширению объема фрейма «аптека» в русском языке. Так, наряду с лекарственными препаратами, в аптеке можно приобрести косметические средства, средства гигиены, парфюмерию.

Анализ языкового материала показал, что пресуппозиции «общезнательские знания» являются универсальными для любого языка, но не всегда тождественными, так как каждый народ имеет свой уникальный социальный опыт, в связи с чем фреймы английского языка не всегда полностью соответствуют аналогичным в русском языке.

Любое информативное содержание наиболее полно раскрывается на базе текста, а соответственно, и сложного синтаксического целого как единице текста, способной представить ту или иную ситуацию и обладающей основными признаками текста [Малычева, с. 17]. Элиминация пропозиций характерна для сложных синтаксических целых с сочинительным союзом, которые с учётом предтекстовых когнитивно-мыслительных операций подразделяются на две большие группы: с имплицитным звеном на основе пресуппозиции и с имплицитным звеном на основе презумпции.

При переходе от умственной ситуации к тексту автор текста решает задачу о соотношении эксплицитно и имплицитно передаваемой информации, компоненты, представляющиеся автору текста малозначимыми (хотя и обязательно входят как составная часть в ситуацию) или представляемые реципиентом как легко восстанавливаемые из содержания эксплицитированных компонентов, могут быть свободно опущены в тексте. Эти имплицитные компоненты не мешают созданию текстового единства, так как имплицитное можно легко реконструировать, если оно включено в фоновые знания реципиента. Например: *Выяснилось, что Варенуха, так же как и Римский, не видел мага.*

Вчера Стёпа («как сумасшедший», по выражению Римского) прибежал к финдиректору с написанным уже черновиком договора, тут же велел его переписать и выдать деньги. И маг этот смылся, и никто его не видел, кроме самого Степы (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). В данном сложном синтаксическом целом (далее ССЦ) имплицитно представлены пропозиции – «написали договор», «магу выдали деньги», «маг получил деньги». При этом сочинительный союз **и** является маркером вербально невыраженной ситуации, маркером имплицитных пропозиций. Подобные ССЦ строятся на основе макроправила «опущение», которое предполагает, что ряд пропозиций может находиться в базе знаний пользователя языка (любого или конкретного лица). Однако стоит отметить, что в данных сложных синтаксических целях (и в тексте) в этом случае нет никакой «компрессии информации», а есть лишь «компрессия языковой формы» (номинализация, свертывание структур) [Кривоносов, с. 589]. Если бы мы действительно имели дело с «компрессией информации», которую надо понимать как «редукцию, элиминацию» некоторой информации, мы бы не смогли увидеть в исходном синтаксическом построении таких пропозиций как в приведенном выше примере – «навестить человека», «посоветовать ему что-то», «выслушать совет», «прийти домой», «решиться на преступление», «последовать совету», «вызвать зависимого от тебя человека»: эти пропозиции уже существуют в исходном сложном синтаксическом целом в виде свернутых структур. Поэтому они сохранились и в развернутых предложениях, но в более полной, эксплицитной, т. е. субъектно-предикатной форме (подлежащее – сказуемое – второстепенные члены). Произошло лишь восстановление языковой формы выражения пропозиции. Данный процесс можно охарактеризовать как компрессию текста. При этом именно сочинительные союзы играют важную роль в экспликации элиминированных пропозиций. По мнению А.Т. Кривоносова, и с этим нельзя не согласиться, если все преднамеренно свернутые «тупиковые» информации (в том числе и в целях художественного описания) преобразовать в обычные субъектно-предикатные пропозиции, то мы не получим художественного произведения [Кривоносов, с. 590]. Объем текста значительно возрастает, будет однообразным в синтаксических построениях. Свертывание пропозиций вызвано не компрессией информации, а стремлением к краткости языковой формы, разнообразию синтаксических построений, стремлением избежать однообразия. Число предложений всегда меньше их пропозициональных содержаний. Поэтому явление компрессии, уплотнения вербального состава текста – одна из существенных характеристик текста. Например: *Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср.: *Очертил Бездомный главное*

действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками, и тем не менее всю поэму приходилось, по мнению редактора, писать заново. **Редактор прочитал поэму, нашел в поэме ошибки, назначил поэту встречу, редактор и поэт встретились.** И вот теперь редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, с тем чтобы подчеркнуть основную ошибку поэта. Имплицитно представленные пропозиции – «редактор прочитал поэму», «нашел в поэме ошибки», «назначил поэту встречу», «редактор и поэт встретились» делают текст более динамичным, позволяют избежать повторов, делающих синтаксические конструкции громоздкими. С учетом этого в работах лингвистов в области «языка и мышления» признается тот факт, что мышление реализуется не только в непосредственных формах языка, но и опосредованно, косвенно, «между строк», между строго определенными словами и строго определенными предложениями. И ССЦ как единица, наиболее полно характеризующая текст, позволяет определить так называемые два «этажа» текста: мысль, выраженную явно, и мысль, выраженную неявно.

В сложном синтаксическом целом с имплицитным звеном на основе пресуппозиции в английском языке, также как и в русском языке, сочинительные союзы маркируют опущенные пропозиции. При этом предтекстовые имплицитные операции являются универсальными для русского и английского языков, но не тождественными, что обусловлено различиями в концептосферах данных языков. Например: *We only roomed together about two months. Then we both asked to be moved. **And** the funny thing was, I sort of missed him after we moved, because he had a helluva good sense of humor and we had a lot of fun sometimes* (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*). *Мы жили вместе всего месяца два. Потом мы оба стали просить, чтобы нас расселили. И самое смешное, что, когда мы разошлись, мне его ужасно не хватало, потому что у него было настоящее чувство юмора и мы иногда здорово веселились.* В данном ССЦ с сочинительным союзом **and** имплицитно выражены следующие пропозиции – «we were moved», «some time passed», «we lived separately». Сочинительный союз **and** является маркером вербально невыраженных ситуаций.

В сложных синтаксических целых с имплицитным звеном на основе презумпции элиминированными оказываются части силлогизма. В основе процесса мышления лежат не только простые суждения, но и в большей степени умозаключения, представляющие собой более сложные формы мысли. Любой силлогизм всегда состоит из трех суждений: большей посылки, меньшей посылки и заключения. Ни дедуктивные, ни индуктивные логические исчисления невозможны при отсутствии хотя бы одного из звеньев силлогизма. Но в естественном языке одно логическое звено всегда отсутствует, так как умозаключение реализуется в тексте посредством энтимемы. При этом любая энтимема, выраженная формами естественного языка, всегда строится по правилам одного из модусов, так как логическая связь

в энтимеме осуществляется в мозгу неосознанно, автоматически, без языковой опоры, т. е. так, как будто элиминированное звено выражено вербально и присутствует в языке фактически. Это объясняется одним из свойств человеческого мышления – способностью сохранять элиминированное суждение без языковой опоры, но зримо для реципиента, владеющего тем же естественным языком. Например: *Опасения прокуратора насчет беспорядков, которые могли произойти во время казни в ненавидимом им городе Ершалаиме, по счастью, не оправдались. И когда побежал четвертый час казни, между двумя цепями, верхней пехотой и кавалерией у подножья, не осталось, вопреки всем ожиданиям, ни одного человека* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). В данном ССЦ имплицитно выражен тот отрезок категорического силлогизма, которому соответствует большая посылка – «прокуратор боялся, что народ будет препятствовать казни», меньшая посылка выражена эксплицитно – «опасения прокуратора насчет беспорядков, которые могли произойти во время казни в ненавидимом им городе Ершалаиме, по счастью, не оправдались». Союз **и** сигнализирует о наличии презумпции следствия – «когда побежал четвертый час казни, между двумя цепями, верхней пехотой и кавалерией у подножья, не осталось, вопреки всем ожиданиям, ни одного человека».

Процессы эксплицирования имплицитного смысла в предложениях с имплицитными пропозициями на основе презумпции являются универсальными для любого естественного языка, так как основываются на законах логики. В связи с тем, что логические категории мышления одинаковы для говорящих на любом естественном языке, имплицитные смыслы составляют значительную часть любого сообщения. Поскольку имплицитность является универсальной языковой категорией, имплицитные конструкции на основе презумпции широко употребляются как в русском, так и в английском языке. Причём в английском языке они встречаются на тех же ярусах синтаксического уровня, что и в русском, т. е. в сфере простого предложения, сложного предложения и текста (ССЦ). Поэтому предложениям с имплицитными пропозициями на основе презумпции в русском языке соответствуют тождественные предложения в английском языке.

Для английского языка, как и для любого естественного языка, характерным является употребление в речи энтимем. Имплицитный смысл непосредственно не представленный в формах языка, косвенно все же заложен в самой форме языка. Мысль скрытая, имплицитная, материально не выраженная в физически воспринимаемых звуках (символах, знаках), присутствует только тогда, когда для нее существует соответствующая форма, представленная в данном случае не прямо, а косвенно, через взаимодействие других форм – двух семантически связанных предложений, оформленных как одно простое предложение, в котором взаимодействуют два семантически связанных члена предложения, образуя логическую энтимему. Например: *He [Ackley] didn't even use his handkerchief. I don't even think the bastard had*

a handkerchief, if you want to know the truth. I never saw him use one, anyway (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*). Он даже не воспользовался платком. Не знаю, был ли у этой скотины носовой платок. Никогда не видел у него платка. При восстановлении в сознании имплицитной большей посылки – «a bastard never has a handkerchief» и наличии эксплицитной меньшей посылки – «he didn't even use his handkerchief», имплицитно представлено заключение силлогизма – «Ackley is a bastard». Третий вид энтимемы.

Более распространенными в речи являются сложные синтаксические целые, реализующие первый вид энтимемы, т.е. с имплицитным презумпционным смыслом – содержанием большей посылки силлогизма – общего суждения. Это вызвано тем, что, как правило, в качестве большей посылки выступает пресуппозиция «общежитейские знания», которая формируется на основании жизненного опыта – по ассоциациям со сходными явлениями. Например: *We were the only ones in the can, because everybody was still down at the game* (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*). Кроме нас в умывалке никого не было, потому что все сидели на матче. Большая посылка выражена имплицитно – «everybody likes football game», при этом придаточное предложение вводит меньшую посылку – «everybody was still down at the game», главное предложение вводит заключение силлогизма – «we were the only ones in the can».

Таким образом, в качестве когнитивных основ, служащих закономерной экономии речи в русском и английском языках, выступают предтекстовые категории пресуппозиции и презумпции. При этом выраженные в готовом произведении имплицитно они служат необходимым условием эксплицитного построения языковых единиц.

Литература

- Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 310 с.
Кривоносов А.Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. Москва; Нью-Йорк, 1996. 683 с.
Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов н/Д., 2003. 180 с.
Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск, 2004. 256 с.

УДК 811.161.1'04'373.231

ББК 81.2Рус-3

М.Е. ЛОКТЕВА**ДРЕВНЕРУССКИЕ
НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ
ЖЕНСКОГО ПОЛА,
СООТНОСИМЫЕ
С ПРАВЕДНЫМ БЫТИЕМ**

Древнерусские наименования лиц женского пола, соотносимые с праведным бытием, отражают роль женщины, ее значимость с позиции христианского видения мира, представленного в древнерусских текстах в качестве новой культурной парадигмы.

Ключевые слова: *семантика, древнерусский язык, наименования лиц женского пола, христианская культура.*

Локтева Марина Евгеньевна – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8-988-258-59-58

E-mail: marinalokteva@yandex.ru

© Локтева М.Е., 2011 г.

Древнерусский период характеризуется процессом смены языческих культурных ценностей христианскими. Смена культурных ориентиров, основанная на наследовании и последующем преобразовании византийской традиции, во многом осуществилась через первые славянские тексты старославянского происхождения, которые задали вектор развития древнерусской литературы, определив особенности ее тематики, жанрового состава, способов передачи событий, описания образов людей. Формирование новой культурной парадигмы отразилось на специфике языкового выражения в целом [Колесов, с. 132 – 133] и в частности на представлении о женщине и критериях оценки ее роли с социальной, морально-нравственной и этической точки зрения. Изображение женщины в древнерусском тексте, как и человека вообще, строилось согласно строго регламентированной формуле, своеобразному «трафарету», «стилю», отражавшему иерархию общественного бытия, статус людей, христианскую традицию (у Д.С. Лихачева метод отражения в тексте представлений о средневековом человеке и мире назван «стилем монументального историзма» [Лихачев, с. 26]).

При описании образа женщины, как в древнерусских текстах, так и в старославянских (см. [Вендина, с. 24 – 25]), упор делается на духовную и социальную, а не физическую сторону личности, причем лицо женского пола оценивается более категорично, чем человек вообще. И это неслучайно, так как критерии, по которым

выстраивается образ женщины, являются ключевыми при определении характера и особенностей развития культуры. Поэтому представляется актуальным изучение женских наименований лиц как вербализованных положительных представлений о женщине в древнерусской культуре, ставшей основой для русской культуры.

Цель статьи – показать критерии положительной оценки в семантике древнерусских наименований лиц женского пола в сравнении со старославянскими наименованиями, являющимися с культурной точки зрения отправной точкой в распространении христианской идеи. Поэтому в задачи исследования входит классификация лексем с положительной семантикой и их последующее лексико-семантическое описание.

Материал исследования получен путем сплошной выборки из «Старославянского словаря (по рукописям X – XI вв.)» под редакцией Р.М. Цейтлин [СС], «Словаря древнерусского языка (XI – XIV вв.)» [СлДРЯ (XI – XIV вв.)] и был дополнен данными из «Словаря русского языка XI – XVII вв.» [СлРЯ XI – XVII вв.] и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского.

Основой разграничения древнерусских положительных и отрицательных женских наименований является христианское представление о том, что вершиной бытия является Бог, путь к которому возможен через нравственные ценности и добродетели, наличие или отсутствие которых у человека определяют его положительную или отрицательную оценку. Кроме того, христианское мировоззрение можно представить в виде одновременного соотношения и оппозиции земного и небесного бытия, так как, с одной стороны, мир «горний» является эталоном, к которому стремятся в земной жизни и после смерти, с другой – он противопоставлен миру «дольнему» как идеальное и неидеальное, как вечно праведное и имеющее склонность к греху. Поэтому все в языковом сознании, что соответствует эталону «горнего», имеет положительную семантику, а все, что эталону не соответствует, маркируется отрицательно. Небесный эталон идеального образа земной женщины – Богородица, и степень приближения к идеалу определяет уровень праведности или греховности лица, обозначаемого соответствующим женским наименованием.

Все древнерусские женские личные наименования (далее ДЖЛН), соотносимые с праведным бытием, можно разделить на две группы: а) наименования Богородицы; б) наименования обычной женщины. Эта классификация применима и к старославянской лексике.

Среди ДЖЛН Богородицы выделяется лексема *богородица* как слово с наиболее общим и емким значением, заимствованное из старославянского языка. Остальные наименования разделяются на лексико-семантические группы.

I. Богородица с точки зрения ключевых христианских догматов (качества изначально регламентированы христианским учением):